

Александрова-Осокина Ольга Николаевна

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКФРАСИС В ПАЛОМНИЧЕСКОМ ПУТЕШЕСТВИИ КИРА ИВАНОВИЧА БРОННИКОВА (1824)

В статье рассматривается поэтика религиозного экфрасиса в паломническом путешествии К. И. Бронникова (1824). Религиозно-эстетическое мировосприятие автора выражается в формах "наивного" описания и создается средствами, близкими народной поэзии; структура экфрасиса включает как статические описания, так и динамические. Описание богослужений в книге позволяет говорить о создании особого типа экфрасиса – литургического. Историко-литературная значимость материала заключается в осмыслении художественных закономерностей духовно-религиозной прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-4; 82-43

Филологические науки

В статье рассматривается поэтика религиозного экфрасиса в паломническом путешествии К. И. Бронникова (1824). Религиозно-эстетическое мировосприятие автора выражается в формах «наивного» описания и создается средствами, близкими народной поэзии; структура экфрасиса включает как статические описания, так и динамические. Описание богослужений в книге позволяет говорить о создании особого типа экфрасиса – литургического. Историко-литературная значимость материала заключается в осмыслении художественных закономерностей духовно-религиозной прозы.

Ключевые слова и фразы: духовная проза; экфрасис; травелог; паломническое путешествие; религиозное литературоведение; традиция и новаторство; «хождение»; православие и литература; романтизм.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, к. филол. н., доцент
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
osokina-11@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКФРАСИС В ПАЛОМНИЧЕСКОМ ПУТЕШЕСТВИИ КИРА ИВАНОВИЧА БРОННИКОВА (1824)[©]

В работах по истории русской литературы XIX в. пока еще не получил должного осмысления жанр паломнического путешествия (описания путешествий в Святые места). Несмотря на ряд серьезных исследований (В. М. Гуминский, И. В. Моклецова, Е. Ю. Поселенова) [5; 6; 10; 12], он все еще видится как явление, стоящее особняком, а не как закономерная часть литературного процесса. А между тем только в первые десятилетия XIX в. жанр был представлен рядом интересных, замеченных критикой произведений, составляя единство с популярным в это время литературным путешествием (травелогом). Если образовательное путешествие приобщало русского читателя к достижениям европейской культуры, то паломническое обращалось к вечным ценностям христианства; обе разновидности были востребованы в первые десятилетия XIX в., когда «особо остро стоял вопрос о характере и путях формирования русской национальной культуры в период национального самоопределения» [11, с. 210].

К описанию путешествий в Святые места обращались писатели разных сословий: провинциальный дворянин Иван Вешняков (1813), крепостной крестьянин Кир Иванович Бронников (1824); представители высшей аристократии: дипломат Дмитрий Васильевич Дашков (1824), церковный писатель Андрей Николаевич Муравьев (1832), ученый и писатель Авраамий Сергеевич Норов (1838). Их произведения сближались тематикой, христианским мировосприятием, благоговейным восприятием Святых мест. Это свидетельствовало о внутренней целостности национальной культурной жизни и подтверждало слова В. Г. Белинского о том, что «литературою называется собрание... произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных... усилий людей... выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнь которого они живут и духом которого дышат» [2, с. 23]. В стилевом отношении произведения ориентировались на различные художественные традиции: творчество писателей, связанных с аристократической культурой, ориентировалось на достижения европейской и русской литературы сентиментализма и романтизма; писатели, близкие к народным кругам, следовали традиции древнерусской словесности и фольклора.

Сочинение Кира Ивановича Бронникова [3], написанное крепостным крестьянином, свидетельствовало о высоком уровне речевой, интеллектуальной, религиозной культуры русского образованного крестьянства. Своеобразие мировидения автора было обусловлено духовно-религиозным мировосприятием православного человека и находило отражение в религиозном экфрасисе – описании храмов, икон, священных реликвий. Религиозный экфрасис воплощал в слове то, что воспринималось религиозно настроенным сознанием человека [9, с. 61], здесь не только «встречались» литература и изобразительное искусство, но соединялись два мира – «небесный» и «земной». В восприятии священных предметов у Бронникова определяющими являются не «знание» и «оценка», а «наивное» видение, молитвенное приобщение и поклонение. Говоря о трагедии современного искусства, философ-богослов П. Н. Евдокимов писал, что оно «подвержено влиянию –доминант» и мудрости мира сего. Художник... ищет своего рода «верхпредметность» и «верхреальность», так как не может непосредственно выразить простую реальность» [7, с. 84]. Именно это «простое» видение доступно восприятию Бронникова.

Пространство храмов раскрывается перед автором как «объемное», протяженное во времени, динамическое явление: обращается внимание на гармоническую упорядоченность внутренних деталей интерьеров; соединяются статичные изображения и динамичные; обращается внимание на размеры и особенности планировки внутреннего пространства, своеобразие технологий, декоративность и обилие деталей, на особенности храмовой скульптуры и мелкой пластики, на количество свечей и лампад, на материал и цветовую палитру. «Церковь Патриаршая, во имя Константина и Елены, не велика; местные образа в тонких чеканных окладах и венцах; кандил серебряных... довольно. Патриаршее место деревянное вызолоченное... пол пред Царскими вратами выстлан из штучек черного и белого мрамора» [3, с. 37]; «решетчатые вызолоченные брусики», с прикрепленными «вызолоченными звездами», «пол прекрасно выстлан из мелкого мрамора фигурами разного вида» [Там же, с. 102], «Святой престол, жертвенник и горнее место... и чудесным образом

убраны перламутром, черепахою и слоновою костью» [Там же, с. 103]; «внутри храма стены... покрыты голубым фаянсом» [Там же, с. 104]. Обилие деталей декора (позолота, серебро и мрамор, перламутр, черепаховая и слоновая кость; цветы, свечи, иконы, мозаика, брусики, звезды) создает ощущение яркости, праздничности, «неземной красоты». Декоративные элементы не просто перечислены, а «схвачены» в точке их пересечения; «красота» видится автором как вычурность, изящность, тонкость работы, богатство красок, гармоническая слаженность всех элементов.

Важной частью внутреннего духовного пространства храма является наличие священных предметов (мошей, икон). Автор и его спутники не просто «созерцают», но молятся, прикладываются к мощам; моление и любовование в эстетическом молитвенном сознании автора-паломника оказываются неотделимы друг от друга. Приложение к святыням также является неотъемлемым элементом религиозного экфрасиса. «Мы, во-первых, снаружи лобызали близ Гроба Господня расседшийся столп, из которого вышел святой огонь» [Там же, с. 40]; «лобызали обложенное серебром отверстие, в котором водружен был Крест Спасителя... прикладывались к расселине, которая сделалась во время страдания Христова» [Там же, с. 47]; «части мощей разных святых... клали на большие серебряные блюда, и мы с благоговением каждую часть лобызали» [Там же, с. 119].

Большое внимание уделяется описанию икон, раскрывается содержание их сюжетов, истории обретения, живописных деталей, автор видит «иконы высокого греческого письма» [Там же, с. 102], а также русского и грузинского [Там же, с. 105]. К. И. Бронников отражает народное почитание икон, к которым «обращались при любых обстоятельствах... через икону люди чаяли обрести Божию помощь и поддержку, и через икону же, по их убеждению, Бог являл на Земле свою волю, силу, милость и любовь, ниспосылая либо благодать, либо наказание» [8].

Неотъемлемым элементом становится описание красоты и духовного содержания богослужений. В книге дается почти годовой круг церковных служб в храмах Константинополя, на Синае, в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. Автор «просто передает» свои непосредственные впечатления от хода богослужения, но сам отбор деталей указывает на их значимость для него: выделены особенности хода службы (время входа и выхода священников, их местонахождение в храме во время службы, порядок чтения Евангелия и торжественных песней и т.д.), предметом изображения становится священная красота богослужения, пережитое чувство благоговения. Священная тематика практически полностью вытесняет бытовую; несомненно, что у автора, как частного человека, во время храмовых служб были впечатления и бытового характера, однако, отбирая и выстраивая материал, автор подчинил его религиозно-духовным задачам.

Автор интуитивно вышел к созданию «литургического экфрасиса»: в книге получает словесное воплощение символика богослужения, уходящая корнями в сложную систему богословских, историко-религиозных представлений и воплотившаяся в действиях и предметах ритуала храмовой службы. Автор воспринимает священный мир Святых мест в единстве религиозного и эстетического видения: молитвы, священные предметы, детали ритуала вызывают у него ощущение притягивающей красоты храмовой службы, изумление и восторг перед ее духовным совершенством, сопереживание и внутреннее эмоциональное слияние с ее ходом. К. И. Бронников раскрывает красоту и сложность таинства.

В наивных словах крестьянского писателя воплотилось то же чувство, которое в середине века воплотил и Н. В. Гоголь в работе «Размышление о Божественной литургии»: «Божественная Литургия есть, в некотором смысле, вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося... если только молящийся благоговейно и прилежно следит за всяким действием, душа его приобретает высокое настроение, заповеди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко» [4, с. 5].

Важную роль в литургическом экфрасисе играет повторяемость действий, они связаны с символикой, ритмикой процесса, приковывают внимание к главнейшим событиям чинопоследования. Автор останавливается на «похожих» или даже «одинаковых» событиях: так сходно начало служб: «Октября 1 дня рано застучали в доску к утрени. Все поклонники пошли в церковь Константина и Елены» [3, с. 39], «С полуночи на 2-е число застучали у Греков к утрени в било, потом у Армян» [Там же, с. 50], «В полночь 25 числа застучали в доску и, собравшись в соборную церковь, начали великое повечерие с утренней» [Там же, с. 140]. Главным элементом службы является евхаристия; получение антидора и Святых Тайн является духовным ядром богослужения и в описаниях Бронникова становится смысловым центром: «Пришедши в конце литургии, застали только заамвонную молитву. Получа антидор, пошли к источнику» [Там же, с. 6]; «обедня кончилась еще до света и мы, получа антидор, все пошли в Греческий большой придел» [Там же, с. 51]; «в Иерусалиме в Патриаршем монастыре... сподобил меня приобщиться Святых Тайнам» [Там же, с. 63]; «При окончании же литургии священник, сказав: со страхом Божиим и верою приступите, раздавал бывшим в церкви антидор» [Там же, с. 95]; «Во вторую неделю поста... вторично Бог сподобил меня приобщиться Святых Тайн» [Там же, с. 161] и т.д. Высокая частотность упоминания в тексте фактов получения Святых Даров, соблюдение детальности в описаниях (где, когда, от кого был получен антидор или совершено Причастие) позволяют увидеть здесь не просто стремление к точности описаний, но выполнение главной духовной задачи сочинения – передать благоговейное состояние паломника.

Сочинение К. И. Бронникова может быть рассмотрено как важный элемент в развитии русской духовной литературы, оно является свидетельством существования в русской литературе явления, которое можно было бы назвать «народной» духовной прозой. Произведение появилось в период формирования русского романтизма, основой которого, в свете современных концепций, видятся «вера во Всевышнего, Его Благоую Волю, утверждение... высокой красоты Божьего мира» [1, с. 54]. Существование произведений, подобных «Путешествию» К. И. Бронникова, является наглядным свидетельством богатства духовной народной словесности и глубокой религиозности русской культуры, что и было той питательной почвой, которая питала творчество романтиков и всей русской классической литературы.

Список литературы

1. Аношкина В. Н. Православные основы русского романтизма // Современное прочтение русской классической литературы. М.: Пашков дом, 2007. С. 38-55.
2. Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. Т. 1. С. 20-104.
3. Бронников К. И. Путешествие к Святым местам, находившимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М.: Тип. С. Селивановского, 1824. 287 с.
4. Гоголь Н. В. Размышления о Божественной литургии. Репринтное издание. М.: Современник, 1990. 121 с.
5. Гуминский В. М. Египет и Синай глазами русских паломников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060218083400.htm> (дата обращения: 19.09. 2012).
6. Гуминский В. М. Путешествие Гоголя по Святой Земле в контексте развития паломнической литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voskres.ru/literature/critics/guminskiy1.htm> (дата обращения: 12.01.2014).
7. Евдокимов П. Н. Искусство иконы. Богословие красоты / пер. с фр. иеромонаха Димитрия (Захарова) и Е. Л. Майданович. Клин: Христианская жизнь, 2005. 383 с.
8. Кириллин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/39001.php?ELEMENT_ID=39001&SHOWALL_2=1 (дата обращения: 07.11.2012).
9. Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Новосибирск: Ин-т филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2006. Вып. 10. С. 58-67.
10. Моклецова И. В. «Хождения» в русской культуре и литературе X-XX веков. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. Ч. 1. 73 с.
11. Морозова Н. Г. Функции экфразиса в путевых очерках Н. А. Бестужева // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (45). С. 210-212.
12. Поселенова Е. Ю. Паломнический текст как образец взаимодействия художественного и религиозного сознания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 3 (118). С. 142-146.

RELIGIOUS ECPHRASIS IN THE PILGRIMAGE OF KIR IVANOVICH BRONNIKOV (1824)

Aleksandrova-Osokina Olga Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Far Eastern State University of Humanities
osokina-11@mail.ru

The article concerns the poetics of religious ecphrasis in the pilgrimage of Kir Ivanovich Bronnikov (1824). Religious-aesthetic world-view of the author manifests itself in the forms of "naïve" description and created by means closely related to folk poetry; the structure of ecphrasis includes both static and dynamic descriptions. The description of divine services in the book allows speaking about the creation of a special type of ecphrasis – liturgical. The historical and literary value of the material consists in the perception of artistic regularities of spiritual religious prose.

Key words and phrases: spiritual prose; ecphrasis; travelogue; pilgrimage; religious literary criticism; tradition and innovation; "journey"; orthodoxy and literature; romanticism.

УДК 347.78.034

Филологические науки

Рассматриваются основные подходы и концепции в изучении языковой личности. Проводится обзор существующих типологий языковой личности. Описываются основные характеристики профессиональной языковой личности переводчика. Вводится понятие «метаязыковая личность переводчика». Определяются цели профессиональной подготовки переводчика с позиции педагогики перевода.

Ключевые слова и фразы: переводчик; языковая личность; метаязыковая личность.

Аликина Елена Вадимовна, к. пед. н., доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
elenaalikina@yandex.ru

ПЕРЕВОДЧИК КАК МЕТАЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ[©]

В конце XX века вектор развития современных гуманитарных наук, в т.ч. переводоведения, определила теория языковой личности как отражение антропоцентрической парадигмы. Применительно к любому лингвистическому образованию можно утверждать, что систематизирующим фактором построения его модели является формирование профессиональной языковой личности обучающегося. Степень проблемности и парадоксальности данной задачи по отношению к переводческой деятельности отражена в ее специфике, которая, как отмечают М. В. Загидуллина и Л. А. Нефёдова, такова, что, с одной стороны, личность переводчика должна как можно меньше отражаться на продукте его деятельности, а с другой, креативный, т.е. личный характер перевода не может ставиться под сомнение [5]. Прежде чем раскрыть характеристики